

Лестница в зарю

А душа — это божья пашня. И кто только ни пашет, и что только ни сеет на ней! Особенно в детстве... А всходы порой проклёвываются всю жизнь.

Раннее утро. Солнце уже встало, и лучи его словно стелются по земле, по траве. Каждый камушек тень отбрасывает, каждая травинка выпустила длинную серую стрелку, которая колыхается где-то далеко в стороне. Солнце, словно с непривычки, прищурилось и тихонько улыбается. К стволу черёмухи прислонена лестница. Если подняться по этой лестнице на несколько ступенек, горизонт раздвинется, открыв широкое пространство за калиткой, солнце выступит во всю свою полноту и словно рассмеётся. Там, выше, утро уже разгорелось. Лёгкий полумрак остался у подножия черёмухи, он ещё прохладен, но уже потихоньку начинает прогреваться и постепенно переходит в полный свет.

Во дворе и в доме тихо. Начало лета: листья светло-зелёные, небо светло-голубое, прозрачное. Лестница тёплая, она постепенно нагревается от солнца, и держаться за неё — одно удовольствие. Горизонт ничем не закрыт, кругом расстилаются травы. Они колышутся, кланяются ветерку. Утро переходит в ясный день, который вот-вот разгорится во всю мощь и понесёт на крыльях ветра ароматы луговых трав... Не знаю ничего более умиротворяющего, чем вглядываться в травы, пронизанные солнцем.

Бабушка из водопровода во дворе наливает чистой воду в звенящее чистое ведро. Я иду по тропинке в тёмно-синем платье с цветами. Мне, наверное, лет пять. Но я помню себя и гораздо раньше — в три-четыре года, и даже в два. На окнах в доме полно разных цветов, но больше всего мне нравятся глоксинии — «граммофончики», тёмно-малинового, почти бордового цвета, с белыми оборками по краям. Цветы словно сделаны из бархата и прочно связываются у меня в памяти именно с домом бабушки и дедушки.

Помню себя в три года, когда цвела черёмуха, и весь сад был пронизан опьяняющим запахом. Благоухающие гроздья белых цветков казались мне чем-то чудесным, я рассматривала их, пытаюсь понять, осознать запах, как их неотъемлемое свойство. Конечно, это были не мысли, а только ощущение, и ощущение безграничного счастья. В дом черёмуху не вносили, тем более букеты из неё, чтобы не заболела голова, но я срывала три маленьких соцветия, ставила в маленькую фарфоровую посудину, и этих соцветий было достаточно, чтобы по комнате разливался чудесный аромат.

...У бабушки в шкафу хранится огромное количество фотографий. Они большей частью не в альбомах, а так, ворохом. Я рассматриваю осторожно, чтобы не помять. Здесь фото прабабушки, прадедушки, всех родственников, друзей, просто случайные сценки из жизни, заснятые местным фотографом. Был на Байкале фотограф, который делал даже такие «художественные» фото: красиво поставленные люди, с букетами цветов, фото с цветной подкраской вручную, всё это похоже на старинные открытки девятнадцатого века. От бабушки мне остались на память большая фарфоровая белка с изогнутым пушистым хвостом и с орехом в лапках, глоксинии, репродукция картины Шишкина «Сосновый бор» в старинной раме с лепниной, деревянная шкатулка с нарисованной изящной сосной на крышке...

Волшебное эхо детства

Станция по имени «Эхо»! Я до сих пор слышу где-то внутри себя, в глубине памяти, той, самой цепкой, детской, как, тоненько звякнув, откидывается крючок, и я выхожу с веранды на крыльцо... Кая! Любимая Кая! Железнодорожная станция... Адрес, который заучила с детства: Воронежская, 10, квартира 1. Всего здесь пять домов, каждый — на две квартиры. Название «Кая» в переводе с латышского означает «эхо»: латыши, которые в своё время работали здесь, дали станции такое название. Смутно помню, что видела в детстве и реку Каю где-то в окрестностях: какой-то запятанный в зарослях омут с зеленоватой водой. Или это сон? А станция — воспоминание солнечное. Там, на Кае, и вправду, что-то необычное с эхом: есть гора, есть овраг, и непонятно, где отзываются гудки поездов. Не зря же станцию так называли.

Весь двор с несколькими деревьями, огороженный с севера во всю длину высоченным деревянным забором кузницы, словно отделённый от враждебного или

скупного мира, представлялся мне местом романтическим, загадочным, меня временами не покидало ощущение тайны. Всё это располагало к одиночеству, в котором у меня не было недостатка, за что я была бесконечно благодарна судьбе, так как в пределах двора была полностью предоставлена самой себе и своим мечтам.

Позади двора по железнодорожной ветке ходил тепловоз, очень медленно, иногда задевая крышей ветви черёмухи, которая росла возле забора. Весной она цвела пышнее всех и стояла, словно облитая молоком. Кое-где вдоль путей стояли тонкие берёзы. Там же росли за забором два высоких тополя, которые однажды весной пришлось спилить, так как они затеняли картошку. Две другие черёмухи росли возле дома...

Я ложилась спать и просыпалась под гудки поездов, и они, перекликавшиеся вдали, казались мне чем-то космическим, окружённым парящими в пространстве звёздами. Станция существовала для меня на стыке с космосом. Иногда я пыталась представить себе бесконечность Вселенной. Я мысленно летела сквозь космос, звёзды летели мне навстречу, и этот процесс можно было представлять себе неопределённо долго. «И так много-много лет, — думала я, — и Вселенная всё не закончится?».

Тепловоз, который проходил иногда по железнодорожной ветке, в отличие от поездов, двигался близко и пыхтел очень громко. Видимо, из-за этого мне года в четыре несколько раз снился один и тот же сон: прямо по комнатам Каи, выезжая из соседской стены, шёл поезд и исчезал на веранде. Бабушка потом меня убеждала, что это сон, а я с неохотой соглашалась, так как он доставлял мне некоторое беспокойство. «Здесь и рельсов-то нет», — доказывала бабушка, указывая на открытое коврик подполье, где хранилась картошка.

Дом на Кае! Деревянный, на две семьи. Наша сторона — северная, и всё равно солнца, кажется, в несколько раз больше, чем в городской квартире: оно ходит весь день от окна к окну, заглядывая в каждое из пяти с постоянно меняющимся выражением: то по-утреннему нежно, то немного припекая днём, то улыбаясь сонной улыбкой к вечеру... Два окна на восток, два — на запад, одно — на север. Запах свежестыранного, высушенного на летнем ветру белья... Так как дом был деревянный, в нём очень легко дышалось!

В доме на Кае были очень высокие потолки, более трёх метров — не то что в обычных городских квартирах. Окна часто запотевали, особенно к утру, это делало мир за окном таинственным и загадочным, а на запотевшем стекле можно было рисовать...

У бабушки всегда была идеальная чистота, побелка производилась дважды в год обязательно — к Первомаю и к Седьмому ноября. Баба Клава ещё в раннем моём детстве рассказывала, что в их доме на Байкале принято было поддерживать идеальную чистоту. Моя прабабушка, мать бабы Клавы, зимой заставляла её полоскать бельё в проруби, и оттого у неё теперь суставы пальцев на руках в шишках — отложение солей. Впрочем, в то время не только на Байкале, а и везде, как говорят, полоскали бельё в проруби, вывешивали на морозе, потом заносили в дом, и оно гремело, как железо, и пахло снегом...

«Руки холодные — сердце горячее!»

...Бабушка всю жизнь вставала в шесть утра и не могла понять, как это вообще возможно — долго валяться в постели! Будила меня бабушка по утрам всегда рано

и шумно: раздвигала с шелестом оранжевые, с синими узорами, шторы, что означало: «Пора вставать! А то такой день проспипшь!». Я обычно не слишком досадовала: у меня каникулы, и столько впереди ждёт интересного! И правда было жаль долго спать в летние дни, да ещё на Кае, где просто находиться — и то праздник! Всё же на минуту я пыталась ещё притвориться спящей.

— Я тебя знаю! — грозила мне бабушка загорелым пальцем. Светлые глаза её, до старости смотревшие молодо и весело, прищуривались, и голос, яркий и солнечный, тоже звенел по-молодому. Во всём её тёмном, с редкими морщинами, загорелом лице было что-то мягкое и доброжелательное, надёжное и тёплое, как разогревшаяся под солнцем лесная земля, щедро дарящая свои богатства в летние погожие дни, когда тёплая дремотная дымка плывёт над лесом, день безветрен, а птицы поют тепло и сонно, и солнце светит как сквозь туман, из своего воздушно-го, дымчатого небесного одеяла... Такой была моя баба Клава, такой я помню её.

Бабушка говорила: «Кто долго жуёт, тот долго живёт», а также: «Как за спину кинули», — про детей, которые быстро ели. Ещё она говорила: «Один человек всё знать не может. Один знает одно, другой — другое. Так и узнаём друг от друга». Ещё: «Мал золотник, да дорог». Другое её выражение: «Руки холодные — сердце горячее»...

У бабушки всегда было глубокое убеждение, что она может достучаться до совести другого человека... Если её обсчитывали в магазине, она говорила что-нибудь укоряющее, и чаще всего продавцам становилось стыдно, деньги возвращали. В советское время совестливых людей было побольше, чем теперь.

...Каждый раз, когда мы на лето приезжали с мамой на Каю, первый день у меня проходил в состоянии беспредельного счастья. Я бегала по комнатам, от которых успевала отвыкнуть за зиму, и не могла поверить, что чудо свершилось: я на Кае! Каждый раз меня заново поражал чудесный запах в доме. Из чего он состоял, я не могла понять. Вероятно, сказывалось всё: дом деревянный, бабушка часто что-то стряпала, на веранде висели связки укропа, в доме всегда было выбелено и вымыто, в буфете хранились ваниль и корица. Бабушка скептически замечала: «А ещё сырость всё время, окна отпотевают». Каждому шкафу, серванту, любому предмету мебели, хранящемуся в семье, присущ свой запах, и это — один из сильнейших стимулов ностальгии...

В буфете стояли интересные фарфоровые вещицы, некоторые с изящным китайским рисунком, а также деревянная шкатулка, на которой очень тонкими штрихами была нарисована сосна. Сосны были изображены и на термосе — заснеженные, нарисованные как бы в «японском» стиле. Повсюду незаметно присутствовал образ леса. А ещё дом на Кае для меня связан с запахом черёмухи, укропа, донника, листьев смородины. А когда ходили на станцию — и с запахом креозота от деревянных шпал...

...На Кае я жила только летом, а в другое время бабушка сама приезжала каждый день в город, как на работу, — водиться со мной. ...Дедушка бывал у нас гораздо реже. Тем не менее иногда, проснувшись утром в городской квартире (мне было три-четыре года), я бежала искать деда по комнатам, так как спросонья мне слышался его голос. Я была уверена, что дед приехал с Каи в гости. А бабушка говорила: «Да нет его, тебе приснилось». Я не верила, заглядывала во все двери...

Дед на Кае водил меня на станцию, показывал через окошко своё бывшее рабочее место, стол, за которым сидел ещё до пенсии. Он как железнодорожник имел право ездить в мягком вагоне бесплатно, и одно время на протяжении нескольких лет уезжал каждый год отдыхать в Кисловодск...

...Бабушка всегда мне что-то рассказывала, чаще из своей молодости, или детства, а то и из жизни своих родителей, что знала. Рассказы начались, когда мне было года три... Она начинала издалека, с моих прабабушки и прадедушки, про то, как раньше жили они на Байкале. Характер у прадеда был добрый, спокойный — не в пример прабабушке Наташе. Прокопий Петрович любил столярничать, до сих пор сохранился у нас на кухне стол его работы. Были когда-то на Кае ещё один стол и шкаф с чёрными дверцами, на которых я любила рисовать мелом, а баба Клава возмущалась и немедленно стирала следы моих «преступлений»... Сердиться она практически не умела, — по крайней мере, так, как у моей мамы, у неё никогда не получалось...

...Близость Байкала накладывает определённый отпечаток на людей и на их судьбы. У тех, кто родился и вырос на этом озере, души более цельные, чистые. Я сама, как ни странно, там ни разу не была, хотя бабушка всегда хотела свозить меня туда, где жили раньше — в порт Байкал...

Бывает Байкал и коварным, многих наказывает за легкомыслие. Однажды там утонул мамин начальник: машина ушла под лёд, успел выскочить только шофёр. Несмотря на опасность, каждый год тянет людей на лёд, тяжёлые машины тонут...

В бабушкино время ходили по льду пешком на много километров, это было обычным делом. И мама, будучи ещё школьницей, любила смотреть сквозь толщу льда в глубину прозрачного озера, где было видно, как снуёт подо льдом рыба...

Необычные происшествия

Было у прабабушки Наташи кольцо, простое, стальное, с синей эмалью, на нём было написано: «Спаси и сохрани. Святитель Иннокентий, моли Бога о нас». А в порту Байкал у прабабушки были старинные иконы, и она отнесла их попу, сказав при этом: «Пусть в церкви стоят». Однако пришла потом — а их в церкви нет! Клавдия, узнав об этом, журила мать, что та отдала иконы...

Был и другой случай... Во время религиозного праздника бабушка белила квартиру на Кае, упала с козел и сломала правую руку. Но она была человеком упрямым, добелила левой и только потом пошла в больницу. После этого подумывала: «Что бы это всё значило?». Видимо, возникали сомнения: а вдруг в самом деле есть некая высшая сила? Но потом в её мироощущении всё снова вставало на свои привычные места, а жизнь шла своим чередом. Моя баба Клава считала, что Бога нет, потому что во время войны «гибли ребятишечки, которые ни в чём не виноваты, и раз Он не помог, не спас, значит, нет Его».

Тем не менее яйца на Пасху бабушка красила, чем и я с ней иногда занималась, просто потому что «так делали раньше, и прабабушка делала». В причины этой традиции я не вдавалась, меня интересовал только цвет и технические тонкости покраски.

А дед Николай в свои ранние детские годы сопровождал священника — на Пасху и другие праздники. Это было ещё в селе Журавлиха Балтайского района Саратовской области, такие были у него смутные детские воспоминания. Приехал он на Байкал в пятнадцать лет, где впоследствии и познакомился с моей бабушкой.

Сохранилась семейная легенда о том, что, когда моя бабушка была ребёнком, однажды во время сильной грозы едва её взяли из кровати, стоявшей возле открытого окна, как в кроватку ударила молния. Клавдия, получается, уцелела чудом.

Был и ещё случай с молнией в её жизни — когда она уже была взрослой и работала телеграфисткой. Во время грозы велели отключить телеграфные аппараты и не говорить по телефону. Бабушка ещё что-то передавала, когда словно неведомая сила отбросила её в сторону, на диван...

— Телеграфистку убило! — раздались крики в здании телеграфа. Это перепугало пришедшего за ней деда (они тогда были ещё молодые).

— Да ничего, ничего, — бодро отозвалась с дивана Клавдия.

Телеграфисткам приходилось работать и в ночную смену. А ведь ещё было домашнее хозяйство, которому тоже нужно было уделять внимание. Проработав двадцать четыре года на телеграфе и выйдя на пенсию, бабушка иногда машинально начинала постукивать рукой по подлокотнику кресла или даже во сне стучала по спинке кровати.

— Кому-то по ночам морзянку бьёт! — шутил дед.

Самому деду по долгу службы часто приходилось ходить по ночам и лично проверять исправность путей. Бабушка справедливо считала, что работа у него очень нервная и ответственная... Ещё Николай Егорович имел привычку подъезжать к дому на поезде и спрыгивать на ходу там, где поезд шёл в гору и немного замедлял ход — до пятнадцати километров в час. Уже будучи в возрасте, дед удивлялся этой своей былой беспечности и молодому задору...

...Сохранилась история о том, как железнодорожники станции Кая принесли ему в качестве взятки четверть самогона, чтоб не гонял их за пьянство. Но не удалось подобрать им ключик к новому начальнику. Николай Егорович взял да и разбил бутылку об один из столбов, на которых висели ворота! Так и подались гости ни с чем. «Чтобы с этим ко мне больше не приходили!» — сказал он им.

...Опасный случай был с мамой в её молодости, когда она уже была студенткой. Каблук ботинка застрял между рельсами (где стрелка, наверное), когда мама возвращалась с автобусной остановки через пути на Каю. Она едва успела отскочить от идущего поезда.

Начальник станции

В годы Великой Отечественной войны мой дед работал начальником станции Байкал на КБЖД (Кругобайкальской железной дороге), руководил движением поездов. Ещё до начала войны для укрепления наших восточных границ по железной дороге перебрасывали военную технику и армию. Во время войны, когда стало известно, что Япония не будет воевать с нами, военную технику и воинские части стали быстро возвращать на запад.

Дни и ночи шли составы и воинские эшелоны на запад с короткими промежутками и стоянками по пять-десять минут. Они останавливались лишь для того, чтобы заправить паровозы углём и водой. Поезда шли быстро, со скоростью пятьдесят километров в час, несмотря на то, что рельсы и шпалы были старыми.

На крутых подъёмах паровозам трудно было тащить составы с тяжёлой техникой, поэтому здесь использовались так называемые «толкачи» — паровозы, которые толкали состав сзади, помогая преодолевать подъём.

На участке Байкал — Слюдянка тридцать шесть тоннелей. Работа была поставлена и отлажена так, что составы шли один за другим без всяких аварий, без вынужденных остановок, не задерживаясь ни на минуту. Коллектив станции был

укомплектован всего на шестьдесят-семьдесят процентов, поэтому приходилось иногда работать день и ночь, не считаясь со временем. Основная тяжесть труда легла на плечи женщин. Они работали стрелочниками, машинистами водокачек, сигналистами (или сигнальщиками), путевыми обходчиками и т. д. Все трудились честно, добросовестно, не жалея себя. Люди были настолько сознательными, что не нужно было никого подгонять. Когда война с Германией закончилась, началась война с Японией. И снова составы с техникой и эшелоны с солдатами пошли на восток — чётко, быстро, беспрерывно...

После войны мой дед продолжал работать начальником станции Байкал. Была всеобщая радость победы. Люди, как и во время войны, продолжали добросовестно трудиться. Здесь не нужно было восстанавливать разрушенное хозяйство, как это было на западе, но тоже приходилось работать в трудных условиях. Железная дорога за годы войны настолько износилась, что необходимо было менять то рельсы, то шпалы, а взять их было негде. Поэтому на некоторых участках дороги ограничивали скорость до двадцати пяти километров в час. Для освещения стрелок не было керосина, для ламп — стекла. Не хватало вагонов, поэтому их строили в местных вагонных депо. Дорога на участке Байкал — Слюдянка проходила по скалистому берегу Байкала. Во время затяжных дождей начинались обвалы, и тогда всё движение останавливалось на несколько дней. Люди работали без отдыха, восстанавливая дорогу, чтобы быстрее пустить поезда, работали сверхурочно, трудовая дисциплина была на высоком уровне.

За чёткое обеспечение передвижения воинских составов и эшелонов во время войны и за отличную безаварийную работу после войны мой дед был награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За победу над Германией», медалью «За доблестный труд. В ознаменование столетия со дня рождения В.И. Ленина», значком «Почётный железнодорожник», значком «Ударник Сталинского призыва», значком «Отличный движенец» и другими наградами. У бабушки тоже были награды: значок «Отличный связист», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», многочисленные благодарности, медаль «Пятьдесят лет победы в Великой Отечественной войне». Была, как оказалось, награда и у прабабушки: «Медаль материнства» второй степени — всё-таки пятерых родила!

В конце пятидесятых годов, когда из-за подъёма уровня Ангары при строительстве Иркутской ГЭС проложили новый железнодорожный путь от Иркутска до Слюдянки напрямую через горы, дед стал работать начальником станции Кая. Он был службист, как говорила бабушка, очень ответственный человек, о нём частенько писали в местных газетах, но они, к сожалению, не сохранились. Я спросила о них как-то, когда училась в младших классах. Бабушка, к моему разочарованию, сказала: «Да я их не сохранила: они все пожелтели, эти вырезки, я их и выбросила».

Бабушка работала телеграфисткой. В военных билетах было записано, что дед — стрелок, бабушка — рядовой. Воинские части на КБЖД обезвреживали японских разведчиков, которые были оснащены всем необходимым, в том числе фотографиями участков дороги. В годы войны железнодорожные связисты обеспечивали и связь зенитчиков, располагавшихся в горах возле КБЖД. Когда появлялись на подстанционной связи сообщения со словами «Авиа», любые разговоры прекращались и передавались шифротелеграммы...

...Николай ухаживал за Клавдией два года, потом они решили пожениться. Я думаю, он в то время её любил больше, чем она его. Бабушка потом рассказыва-

ла: «Жалко стало, думаю: два года человек за мной ходит, надо уже выходить за него». ...В отличие от моей мамы бабушка не очень-то верила в любовь, а верила только в привязанность, в то, что «привыкаешь к человеку». ...Николай Егорович и Клавдия Прокопьевна прожили вместе пятьдесят пять лет. Бабушка «на всякий случай» не стала менять фамилию, осталась Коропец, а не Варламова. Подстраховалась: «Вдруг будем разводиться?». Под старость лет, уже после смерти деда, жалела об этом: «У деда такая красивая фамилия, а моя-то?».

Мамино детство

Моя мама, Галина Николаевна Варламова, принадлежала к поколению детей войны. Она появилась на свет одиннадцатого июня тысяча девятьсот сорокового года в посёлке Порт Байкал...

Памятно маме всегда было празднование Троицы, когда она была ещё школьницей. Для этого заранее выбирали место в лесу и отмечали праздник на природе, готовили еду, играли, отдыхали...

Школьные годы у мамы сложились так: первый-четвёртый классы — порт Байкал, пятый-седьмой — Маритуй, восьмой-десятый — Слюдянка. ...В первых классах у мальчишек обычно начинает уже проявляться интерес к девочкам, но зачастую весьма диким образом. Школьник, сидевший через проход от Гали, непрестанно грозил ей кулаком и бубнил вполголоса: «Пойдѣшь домой, пойдѣшь домой!» Это у них, мальчишек, за недостатком развития и воспитания так интерес выражается. Мать школьника была шлакоуборщицей на станции Байкал. Николай Егорович сказал ей о проделках сына. Мать всыпала ему так, что он потом в сторону Гали и не глядел. Другого одноклассника Галя отвозила портфелем после уроков сама, и он потом жаловался учительнице.

...Мама рассказывала, что когда она, уже будучи студенткой, ночевала на Кае на диване, на котором спустя много лет всегда спала и я, то её иногда по ночам «душил домовый». Объяснить это явление она никак не могла, потому что, как и все в нашей семье, была материалисткой. Я же, слыша подобные истории, как бы откладывала их в дальний уголок памяти, в раздел «не объяснено научно». Я на этом диване спала совершенно спокойно и чувствовала себя в детстве абсолютно счастливой...

...Однажды в интернате моя мама вместе с другими ученицами на Рождество вызвали «дух Пушкина» и стали гадать. «Собралось человек десять девчонок, — рассказывала мне мама, — блюдечко очень быстро бегало. Оказалось, забыли написать букву «й». Когда дописали, блюдечко остановилось. Ответы смотрели в том числе и в книге стихов, по номеру указанной духом страницы. Когда невидимому гостю вопросы надоели, он начал ругаться: блюдечко, описывая круги, останавливалось возле определённых букв, и складывались ругательства... Девчонки испугались, но не удивились, сказав: «А ведь правду пишут, что Пушкин мастер был ругаться!». Потом девчонки рискнули вызвать «дух Лермонтова», и невидимый собеседник начал «отвечать» на их вопросы: блюдечко снова начало описывать круги по столу.

Насчёт вызова духов — я думаю, это правда: своей маме я могу доверять, как себе. Выходит, вызов духа при гадании — реальность. Вот удар по моему бывшему махровому материализму! «А вот Лермонтов всё точно предсказывал! Что-то он

мне предсказал по школьным делам — сбылось!» — рассказывала мама. Она не говорила, как относится к этому, упоминала только сам факт. Я же считаю теперь, что-то такое есть, но, конечно, это не душа Пушкина или Лермонтова прилетает на зов, а тёмные силы маскируются под души вызываемых личностей.

На выходные школьники уезжали домой, для этого их будили рано, ещё до рассвета. Можно было и оставаться в интернате, но домой хотели все, вот и брели на станцию, а потом, полусонные, сидели и ждали поезда. Чтобы совсем не заснули, преподаватели бросали клич: «Поём песни!». Обычно это были «Прощайте, скалистые горы»...

В школе Маритуя часто по вечерам бывали танцы, сопровождаемые историями дружбы, влюблённости, случаями ревности, а мама была, судя по всему, очень ревнивой! Девчонки бегали из общежития в школу через двор, зимой — не одеваясь, а просто набросив шаль поверх формы или платья.

В районе Маритуя было много туннелей, и ученики частенько проезжали до Слюдянки — нарочно, чтобы, возвращаясь, пройти по туннелю, где иногда проходили поезда. Школьники беспечно шли и кричали во все горло.

— Стой, кто идёт? — окликали их. Тоннели охранялись вооружёнными стрелками.

— Учащиеся! — откликались ученики. Когда шёл поезд, приходилось чуть ли не прижиматься к каменным стенам, но бесшабашных учеников это не пугало...

Красавица Галина

На всех фотографиях Галина, моя мама — красавица, но на одной особенно отражается её характер: она снята вполоборота, взгляд — несколько исподлобья. Чувствуется, что натура гордая и строптивая. Гордостью и решительностью она походила на героиню из советского фильма — может быть, на её любимую Катерину Воронину?..

Один парень сказал про неё кассирше в кино: «Смотрите, какая она красивая!». А Галина была тогда в нарядном платье, и оно очень шло ей. Многие молодые люди писали ей письма, каждый — втайне надеясь, что именно он станет самым главным человеком в её жизни.

...Сперва мама хотела поступать учиться на врача, но не добрала баллов и поступила на биофак. Впоследствии жалела, что не стала врачом: у неё к этому были явные способности.

...Мама после окончания учёбы работать преподавателем биологии, где нужно было подолгу читать лекции, не могла из-за часто болевшего горла (говорили, катар), у неё пропадал голос. И она пошла инженером-химиком в лабораторию ВостСибТИСИЗа (трест инженерно-строительных изысканий), который в это время только создавался.

...Некоторые мужчины не могли забыть её всю жизнь. В восемьдесят восьмом году один из них был проездом в Иркутске из Одессы, где он жил последние годы, случайно встретил маму в городе и потом слал из Одессы открытки, в которых предавался воспоминаниям юности и сокрушался, что «упустил такую девушку». Как в песне: «Живёт, живёт в этом доме Галина...».

Жених с пистолетом

История нашей семьи, некоторым образом, всегда вертелась вокруг мамино-го характера и её мощного темперамента, которыми она, без сомнения, пошла в прабабушку.

Ухажёров у мамы было несметное количество. Стоило ей появиться на танцах, которые в те времена часто устраивали в учебных заведениях по праздникам и другим поводам, как очередной кавалер (а то и несколько сразу) начинал вздыхать о ней, бесконечно приглашать на очередной танец, провожать... Галина была ревливой, вспыльчивой. Тогда в каждом учебном заведении было принято приглашать на свой вечер учащихся другого заведения, таким образом, знакомились, дружили, влюблялись... Достаточно было одного мамино-го взгляда, и появлялся очередной Вовка или Юрка. Так было в школе, в интернате и потом, когда мама год работала до поступления в университет. Кавалеры были везде, все обращали внимание на гордую и своенравную девчонку. Были и навязчивые, слишком до-саждавшие. Среди них — Ричард из КГБ. Когда он появлялся, мама не выходила из дома. Размахивая пистолетом, он расхаживал под окнами дома на Кае и кричал Галине (хотя и был трезвым):

— Выходи за меня замуж, а то пристрелю!

Оригинальный способ делать предложение, не правда ли? Видимо, сознание, что он облечён властью, кружило Ричарду голову, а скорее, такова была его нату-ра. Если не было дома деда, против нахального ухажёра выходила прабабка Ната-лья с ухватом и, глядя исподлобья на «жениха», грозно вопрошала:

— Чего тебе? Что тебе надо от моей внучки?

Ричард нехотя ретировался. Маме этот сумасброд с замашками собственника и деспота явно не был нужен. Еле отвадили его и радовались, что обошлось без стрельбы и без смертубийства.

Семейная тайна

Владислав Подгорбунский, мой дед по линии отца, был поляк и преподавал в университете географию. Не знаю, хорошо ли помнили мой отец и его брат Ге-оргий своего отца: он застрелился ещё в тридцатые годы или несколько позже, но довольно молодым, не достигнув и пятидесяти лет, после того как его жена, Евгения Ивановна, отказалась от него из опасения навредить сыновьям, посколь-ку на него был какой-то донос. Но это тайна, покрытая мраком, и смутные сведе-ния об этой семейной трагедии дошли до нас кружным путём... Не знаю, мучила ли совесть Евгению Ивановну... Мне кажется, на моей жизни каким-то образом могло сказаться самоубийство моего деда Владислава: такие вещи ведь всё равно отражаются на детях, на их судьбе. Ведь говорят, что грехи отражаются на жизни последующих поколений. Да и поступок Евгении Ивановны выглядит в моих гла-зах предательством.

Впоследствии я нередко встречала людей, которые, услышав мою весьма ред-кую фамилию, интересовались, кем я прихожусь Владиславу Подгорбунскому, не внучкой ли — видно, личность была известная, все знали его как прекрасного преподавателя и большого эрудита. К сожалению, у меня информации о нём поч-ти нет...

Возможно, по линии отца в моём роду были даже священники. Меня иногда спрашивали, отношусь ли я к роду священника Подгорбунского, жившего не то в прошлом, не то в позапрошлом веке. К сожалению, я об этом тоже не знаю. Предки по линии отца — для меня сплошная тайна...

Мой отец, Виктор Подгорбунский, был старшим геологом, и познакомился с моей мамой, когда привозил пробы из Ангарска в иркутскую лабораторию. А она работала в этой лаборатории старшим инженером-химиком. Он был очень разговорчивым с ней, когда приезжал, писал письма из командировок. Впоследствии он был приглашён из Ангарска в Иркутск, где ему как отличному специалисту дали квартиру...

Левша, драчун, поляк, очкарик

Отец мой, Виктор Владиславович, был левша, но писал правой, а молоток и всякий инструмент держал в левой руке. Алкоголь не употреблял, разве что выпивал рюмку по праздникам. И с начальством не пил, это многих раздражало, но с ним всегда считались, так как он был классным специалистом.

По национальности отец считался поляком, хотя поляком был только его отец, а мать — украинкой. В нашей семье намешано несколько национальностей: две бабушки у меня украинки, один дед русский, другой — поляк. Себя я считаю русской, да и какой ещё можно быть, если воспитана в Сибири, в духе русской, а точнее, советской культуры.

...Врождённую интеллигентность имел мой дед. Мой отец, напротив, был скорее интеллектуалом, а это несколько иное, но интеллигентом в полном смысле его не назовёшь: хотя он и не матерился, но говорил всё, что думает, кому угодно, когда угодно, прямо в лицо. Вспыльчивость, агрессивность у него была в крови. А ведь это уже темперамент!

Отец был заядлым драчуном. Был случай, когда он дрался с шестерыми нападавшими. Дело было так. Перед Новым годом должна была состояться свадьба Нины, маминой сестры, и её жениха Юрия. Отец задержался на работе — отмечали Новый год. В районе Пивоварихи в автобус завалились шестеро подвыпивших мужчин. Вышли все на Кае, хотя отец обычно выходил на радиозаводе. К отцу начали приставать, заедаться. У него в кармане была металлическая рукоятка от пистолета, он надел её на руку, как кастет. Такого отпора нападавшие не ожидали, как и того, что человек, на которого напали, окажется левшой. Увидели, что не справятся, и отстали, перебросившись между собой фразой: «Лупит левой с кастетом». Увидев, что столько человек нападает на одного, за него вступились и прохожие. Отец отбил, но ему разбили очки, поставили синяк, потом некоторое время после этого у него болела голова. Отец прибыл на Каю без очков, мама сначала не поняла, что не так, потом видит — очков нет. «Сбить с ног его не удалось, отбил. Удержался на ногах, поэтому, наверно, не убили», — рассуждали впоследствии мама с бабушкой, рассказывая эту историю.

В другой раз, опять же в автобусе, произошёл такой случай. Мама сидела у окна, а отец с краю, и отталкивал, буквально отбрасывал висевшего над ним пьяного мужика, который называл Виктора очкариком. Этот тип тоже не ожидал отпора от интеллигентного на вид человека в очках. Видимо, таков стереотип: если в очках, то, может, и умный, но — слабак. Отец попросил водителя автобу-

са открыть дверь и выбросил этого мужика на плотине, причём это было зимой. Перегон был большой, и хочется надеяться, что пьяница не замёрз там до смерти.

Маме говорили об отце: «Он же поляк!». Имелись ли при этом в виду особенности его характера? Мама боялась с ним ездить в транспорте: где какая-нибудь перепалка, он уже, как она потом говорила, «крутит головой, смотрит: кто, где, что...». Обязательно ввяжется в историю, будет отстаивать справедливость. Он, по своей мятежной натуре, никого и ничего не боялся. В этом за ним было не угнаться. Я убедилась, что люди, которые по гороскопу тигры — на редкость рискованные, черта такая...

Однажды отец должен был позвонить деду и бабе на Каю, что они с мамой благополучно доехали до Иркутска. Ушёл отец звонить — и всё нет и нет его. Мама забеспокоилась и пошла искать. Нашла возле телефонной будки, там уже вовсю разгорелась драка. Отец скрутил и сдал в милицию пьяного мужика, который мешал ему говорить по телефону: лез в телефонную будку, даже вцепился зубами отцу в руку, которой он держал дверцу кабинки, потому что пьяный рвал её на себя. Не думаю, что он напал потому, что отец долго занимал телефон, просто мужик был невменяем. Протрезвев, он впоследствии упрасивал отца замять дело, но тот был неумолим.

...Ещё Виктор был мастер на все руки, он умел делать всё. В доме на Кае, а потом и в квартире в городе он постоянно старался что-то усовершенствовать. Провёл у дедушки новую электропроводку, заменив толстые провода, которые шли по поверхности стен, на аккуратные, плоские. Дед опасался сперва, что этот он дом спалит, потом видит: всё нормально. В кладовке вместе со своим братом отец мастерил аэросани...

Шторм и другие приключения

Мои родители в первые годы, как поженились, немало путешествовали, в основном на автомобиле. Но однажды они собрались идти по Байкалу на моторной лодке «Казанке» в бухту Песчаную. Вернее, это отец собрался, а мама всю жизнь боялась воды и всегда говорила: «Хоть золотом меня обсыпь, а на лодке с тобой не пойду!».

...В конце концов, в эту поездку отец отправился с одним своим товарищем. Спутник моего отца, со странной фамилией Машина, был человеком весьма опытным и неробкого десятка. На обратном пути путешественники попали в шторм. Отец остался сидеть на корме, правил лодкой, а Машина упал на дно и непрерывно крестился и молился, а ведь он считался бывалым человеком, прошёл концлагерь. Отец не был таким верующим, но и он думал, что им приходит конец. Мотор заглошили, он был бесполезен в такой ситуации, и лодка просто была отдана на волю волн. Трепало путешественников всю ночь, только к утру, когда шторм поутих, вышли они к Шаман-камню в истоке Ангары. Отец потом сказал маме, когда вернулись: «Хорошо, что я тебя с собой не взял!».

Однажды отец с мамой были на даче, и когда ехали оттуда, остановились порыбачить на речушке возле Еланцов. Думая, что скоро поедут дальше, они позвонили деду с бабой на Каю и сказали, что выезжают из Еланцов в направлении Иркутска. Но начался такой удачный лов, что азарт охватил не только отца, но и маму... Такой рыбалки она ещё не видела! Отец только успевал вышвыривать

крупных хариусов на берег, они блестили чешуёй и высоко подпрыгивали. Рыбу складывали в таз, который оказался в автомобиле.

Возвращались уже ночью. Дорога шла по горам, подъём — спуск, машина еле тащилась. Непредвиденная рыбалка слишком задержала, и теперь главное было — не уснуть во время монотонного движения. Беспокоило и то, что позвонили заранее на Каю, обнадёжили, что едут, а сами выехали поздно, значит, их уже давно ждут, беспокоятся. Мама всё время говорила с отцом, чтобы он не уснул за рулём. Потом решили свернуть с дороги на обочину, поспать хотя бы полчаса. Съехали, остановились, попытались задремать — и ни в одном глазу. Не спится! Прекратилось монотонное движение — улетучился и сон. Тронулись в путь снова, и опять стало клонить в дрёму. Маме вдруг пришла в голову обеспокоившая её мысль...

— А здесь медведи есть? — спросила она.

— Есть, — отозвался отец.

— Машину догонят?

— Запросто. Восемьдесят километров в час бегают медведи, — ответил отец. Мама подумала: «Про медведей пошутил, или правду сказал?».

На Кае путешественников уже потеряли, дед с бабой ходили по огороду с фонарём, выглядывали на дорогу. Как увидели, что едут, выбежали на улицу встречать. Родители тогда привезли много рыбы, и бабушка потом чистила её чуть ли не до утра.

Однажды был и такой случай: мать с отцом ехали поздно, нужно было где-то устраиваться на ночлег. Остановились у первого попавшегося двора в незнакомой деревушке, постучались в окно. Хозяин вышел, пригласил неожиданных ночных гостей в дом и сказал радушно, безо всякой опаски: «А, загоняй машину во двор!». Ни гости, ни хозяйева друг друга не боялись: это свойство людей советского времени, особенно, мне кажется, в Сибири. Достали на общий стол, что у кого было из продуктов, сидели, ужинали, разговаривали. Засиделись за полночь, потом мать с отцом заночевали у гостеприимных хозяев, а утром уехали домой.

Другая история, произошедшая, по рассказам мамы, в Ниловой пустыни... Путешествовали в этот раз трое: отец, мама и тётя Нина. Жили в палатке. Возвращались оттуда в выходной день, а на завтра всем на работу. Нужно было проехать деревянный мост над вздувшейся из-за дождей рекой, а шоссе по обе стороны от моста уже залило водой. На берегу скопилось множество машин и толпа народу.

Ждать, пока спадёт вода, пришлось бы несколько дней. Середину моста смыло, и отец притащил три доски, перекинул через реку, положив на выступавшие над водой уцелевшие части моста... Мама и тётя Нина перешли по мосту пешком. С машиной было гораздо сложнее, доски могли её не выдержать, отца отговаривали ехать... Но он был отчаянный человек. Открыл двери, чтобы, если машина упадёт, успеть выпрыгнуть, разогнался — и перескочил на тот берег. Он делал всё обдуманно и чётко. Колёса автомобиля проехали по двум крайним доскам. Едва он проехал, как доски и остатки моста смыло... Мама с тётей Ниной всю дорогу, пока ехали, восхищались поступком отца.